

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

О.Ю.Ромашина

Белгород, Россия

Summary: The present work deals with the problem of investigation of phraseological meaning by means of analysis of the cognitive structures (frame structures) in the base of the meaning. It reveals the necessity of using some data of Frame Semantics in the interpretation of phraseological meanings and in the translation of some phraseological units from Russian into English.

Исследование когнитивной составляющей семантики языковых единиц в целом и фразеологических единиц в частности является одним из самых актуальных направлений современной лингвистической науки.

Понимая фразеологизм как «устойчивое сочетание, обладающее воспроизводимостью, относительной стабильностью состава и структуры, относительной целостностью значения, не вытекающего непосредственно из значений компонентов, частично или полностью утративших словность, и характеризующееся экспрессивностью» [Мокиенко 1989: 4], мы считаем необходимым обратиться к когнитивно-лингвистическим методам анализа его, такого информативно емкого, значения.

Действительно, когнитивный потенциал фразеологической единицы огромен. В ней отражен весь познавательный (исторический, синхронический, культурный, языковой) опыт человека. По мнению классиков когнитивного направления, опыт есть ни что иное, как знания человека о стереотипных ситуациях, хранящиеся в сознании в виде определенных структур – фреймов. М.Минский определяет фрейм как статическую, информационную структуру данных, необходимых для репрезентации стереотипной ситуации. Содержание фрейма представляет совокупность вершинных и терминальных компонентов. «Верхние уровни» фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к стереотипной ситуации. На «низких уровнях» имеются терминалы, которые необходимо заполнить характерными примерами или данными [Минский 1979: 7].

Понятие фрейма, первоначально связанное с проблемой понимания и распознавания ситуации, затем было расширено и стало применяться к изучению особенностей организации языковой системы в целом.

В середине 70-х годов Ч.Филлмором в качестве лингвистической концепции предложена фреймовая семантика, которая рассматривается автором как программа исследований, дающая способ охарактеризовать принципы создания новых слов и предложений, добавления новых значений слов, а также сборки значений элементов в целое [Fillmore 1982: 111]. Исследуя фреймы как средства организации опыта и формирования семантики понимания, Ч.Филлмор видел в них (что весьма важно для нашего ис-

следования) инструменты описания и объяснения языкового материала, утверждая, что между языковыми единицами и фреймами есть связь [Филлмор 1988: 83].

Нас более всего интересует последнее положение, дающее теории фреймов концептуальное обоснование, позволяющее проследить реализацию определенного фрейма на языковом уровне. Именно такое представление фрейма, на наш взгляд, лежит в основе анализа семантики фразеологических единиц, привлекает к исследованию когнитивных структур, стоящих за значениями фразеологизмов и обеспечивающих их понимание.

Рассматривая когнитивную сущность фразеологизма, Н.Ф.Алефиренко выделяет ее основную определяющую – «когнитивную структуру», концепт как «универсальный упаковочный формат для знаний, объективированных фразеологической единицей» [Алефиренко 2006: 279].

В настоящее время ведется достаточно много дискуссий по поводу того, считать ли концепт и фрейм единицами одного или разных уровней обобщения, полными или частичными терминологическими синонимами, рассматривать ли фрейм как тип концепта или наоборот. Отсутствие общепринятых определений объясняется сложностью данных объектов когнитивно-лингвистического анализа, их многоуровневой структурой, содержание которой выявляется через языковые средства репрезентации. Кроме того, как справедливо отмечает О.Н.Прохорова, и данное выявленное содержание будет носить субъективный характер, так как оно напрямую зависит от условий формирования смыслов слов у каждого конкретного человека [Прохорова 2002: 49].

Соглашаясь с тем, что между концептом и фреймом существует достаточно прочная связь, обусловленная, во-первых, тем, что оба понятия относятся к уровню репрезентации базы знаний в сознании человека, во-вторых, общностью их онтологии как ментальных образований, мы, тем не менее, не проводим аналогии между ними. С нашей точки зрения, между концептом и фреймом существует определенное и достаточно значимое различие: концепт может быть и структурной, и гештальтной (целостной), и минимальной (неделимой) единицей репрезентации базы знаний в значении единиц языкового уровня. Фрейм – всегда структурирован и по сути не может быть неделимым. Так, в семантике фразеологических единиц, репрезентирующих тот или иной фрейм, значения отдельных компонентов сводятся в единую, комплексную ситуацию, ее объемное представление. Знание этой ситуации позволяет целостно воспринимать значение конкретного фразеологизма.

Кроме того, нам представляется справедливым рассмотреть фрейма как модели быденного знания об основных концептах. Репрезентируя тот или иной концепт, фразеологизм активирует и соответствующий когнитивный контекст, несущий информацию и о содержании, и о структуре исследуемого концепта.

Таким образом, в данной статье под *фреймом* понимается когнитивная модель организации знаний о стереотипной ситуации, организующая определенное концептуальное пространство, лежащее в основе значения исследуемых фразеологических единиц.

Проследим особенности репрезентации конкретного фрейма «эмоциональное звучание» в семантике английских и русских фразеологических единиц.

Как показывает проводимое нами исследование, и русская, и английская концептосфера содержат как минимум шесть концептуальных областей эмоционального звучания: «крик», «смех», «плач», «невнятность», «вздых», «удар». Исследуемый фрейм, образованный в результате интеграции двух базовых концептов, «эмоция» и «звук», реализуется и в русском, и в английском языке и обладает приблизительно одинаковым набором вершинных (обязательных) и терминальных (необязательных) компонентов. К его вершинам мы относим информацию о Субъекте (одушевленное лицо), Предикате (манера производства эмоционального звучания), Звуке и Эмоции. К терминалам – Цель и Причину производства эмоционального звучания, Инструмент (голос или части тела), Объект, на который оно направлено. Объект именно потому вынесен в качестве терминала, что он не всегда встречается в ситуации эмоционального звучания.

Например, в единице *орать как резаный* репрезентируется информация об одушевленном субъекте, производящем голосом громкий, продолжительный, высокий звук по причине сильного негативного эмоционального состояния. Концептуальные признаки, стоящие за компонентами фразеологизма, активируют информацию о резком звуке, который издает раненое живое существо (животное или человек). В результате репрезентации формируется целостное значение фразеологизма «громкий крик».

Английский аналог *to cry at the top of smb's voice* (дословно: кричать на вершине (пределе) голоса) профилирует очень высокий звук, орган, его издающий, но не указывает на знак эмоции. Отсутствие исторической концептуализации, имеющейся в русском варианте, не позволяет утверждать эквивалентность данных единиц, хотя общее значение «громкий крик» дает основание считать данные фразеологизмы аналогичными.

Напротив, при сравнении фразеологизмов *орать как полоумный* и *to cry like a madman* мы приходим к выводу о максимально возможном совпадении всех репрезентируемых компонентов фрейма «эмоциональное звучание»: одушевленный субъект, издает голосом громкий, продолжительный, высокий звук по причине интенсивного (чаще отрицательного) эмоционального состояния. В данном примере концептуальные признаки активируют информацию о громком неконтролируемом звучании, которое часто издают люди с психическими заболеваниями.

Подобные явления наблюдаются и в концептуальной области «смех». Фразеологизмы *надать со смеху* и *to fall about laughing*, хотя и не могут считаться полными эквивалентами из-за разницы в грамматическом оформлении, по сути, репрезентируют одинаковые компоненты фрейма (одушевленный субъект; производство резкого, высокого, громкого звука голосом; выражение интенсивной, чаще положительной эмоции; имплицитный объект) и формируют общее значение «весело и громко смеяться над кем-то или чем-то».

В ситуации *тихо киснуть от смеха* наблюдается фразеологическая лакуна в английском языке из-за разной актуализации концепта «кислый»

в русском и английском языках. В русско-английских словарях, а также в переводах данного фразеологизма на английский язык используется авторский комментарий: *to try to suppress a laugh* – «пытаться подавить смех», что, конечно, приводит к репрезентации разных концептуальных характеристик и, как следствие, к потере эмоциональности высказывания, комического эффекта.

В концептуальной области «плач» также прослеживается расхождение в репрезентации концептуальных характеристик, стоящих за компонентами фрейма эмоционального звучания. Так, русский фразеологизм *реветь белугой* не имеет английского аналога и переводится фразеологизмом *to bawl (or scream) one's head off* – «кричать, пока голова не отвалится». В английском варианте отсутствует, во-первых, историческая информация о рыбе (у которой, по преданию, имеется некое подобие слезных желез), во-вторых, английский фразеологизм уже актуализирует информацию из другой концептуальной области – «крик», совпадая с русским фразеологизмом лишь по репрезентации компонентов «громкий звук» и «негативная эмоция».

Интересно, что в абсолютно изоморфных, на первый взгляд, по структуре фразеологизмах *плакать как ребенок* и *to cry like a baby* наблюдаются различия не столько в семантике единиц, сколько в их контекстном употреблении. Данные различия вызваны тем, что в современном английском языке этот фразеологизм репрезентирует компонент фрейма «Субъект» с гендерной установкой на то, что «так» плакать позволительно лишь женщинам. В предложении «Он плакал как ребенок» в русском языке нет установки на ироничность или критику, а в английском языке даже в культурологических словарных пометах фиксируется информация о том, что «в США и Великобритании женщинам разрешается плакать таким образом, а мужчины так не плачут... Если так плачет молодой человек, то он часто осуждается в обществе [перевод автора статьи]» [Longman 2000: 312].

В концептуальной области «невнятность» фрейм эмоционального звучания актуализирует информацию об одушевленном субъекте, производящем голосом невнятный, часто тихий, частотный звук под воздействием неинтенсивной, чаще отрицательной эмоции. Чаще всего в английском и русском языках наблюдается совпадение данных характеристик в процессе репрезентации данного фрейма, но имеются и некоторые расхождения. Так, в русском фразеологизме *бубнить под нос* восстанавливаются и имеющийся в этимологии глагола музыкальный инструмент «бубен», и манера произнесения, и даже, частично, кинетика (наклон головы). Английский аналог *to mutter under one's breath* не профилирует вышеуказанные характеристики, хотя и репрезентирует общие компоненты низкого по тону звучания, невнятной эмоции. В английском варианте наблюдается даже пересечение концептуальных областей «вздых» и «невнятность», в отличие от русского исходного варианта.

В концептуальной области «вздых» наблюдается небольшое количество расхождений, поскольку большинство фразеологических единиц, актуализирующих фрейм «эмоциональное звучание» в данной сфере, представляет собой сравнительные конструкции, репрезентирующие практиче-

ски одинаковые компоненты фрейма похожими лексико-семантическими средствами. Однако в случае с русским фразеологизмом *неровно дышит*, в котором происходит двойная мотивировка значения эмоционально-звукового глагола, английский фразеологизм *to fall in love* («падать в любовь») не объективирует уже, собственно, ситуацию эмоционального звучания, хотя и передает значение русского фразеологизма – «влюблен».

В концептуальной области «удар» фрейм эмоционального звучания также репрезентируется практически без изменений как русскими, так и английскими фразеологическими единицами. Здесь актуализируется информация об одушевленном субъекте, производящем громкий, резкий, непродолжительный звук вследствие экспликации интенсивной, как отрицательной, так и положительной, эмоции. На первый план выдвигается компонент «инструмент» (чаще всего данный компонент представлен частями тела человека или предметами, способствующими производству эмоционального звучания). В сравнительном анализе аналогичных по семантике фразеологизмов наблюдается не столько разница в репрезентации когнитивной структуры, сколько разница в концептуализации последнего компонента: мы хлопаем в ладоши, а англичане – в руки (*to clap one's hands*); мы стучим ногами, а англичане – ступнями (*to stamp one's feet*).

Анализ семантики фразеологических единиц, репрезентирующих фрейм «эмоционального звучания», на наш взгляд, еще раз доказывает один из постулатов современной фразеологической науки, сформулированный Н.Ф.Алефиренко и Я.Галло: «Об универсальности фразеологической семантики можно говорить только на уровне ее когнитивного субстрата» [Алефиренко, Галло 2007: 24]. Во фразеологических системах английского и русского языков, скорее всего, вообще не будет полных эквивалентов, так как в концептосфере, менталитете, специфическом мышлении русского и английского народа имеются достаточно значимые дифференциации, обусловленные различным когнитивным и культурным опытом. Даже при наличии, казалось бы, изоморфной фреймовой структуры в обоих языках наблюдаются неминуемые расхождения в процессе репрезентации ее компонентов, объясняемые индивидуальностью мышления двух народов, неповторимостью и своеобразием их культур.

В переводческой практике следует учесть тот факт, что фреймовые конструкты могут совпадать в восприятии мира, отражая диалектику человеческого мышления, логику познания окружающей действительности. Однако это «общечеловеческое» разбивается о камень «сугубо индивидуального» для каждой культуры. В результате формируется иная образность, иная эмоциональность фразеологической единицы; следовательно, появляется фразеологизм с измененным, а иногда и новым значением, отличным от переводимого, оригинального. Фреймовый анализ семантики переводимых фразеологических единиц позволит в достаточной степени полно раскрыть концептуальные характеристики в основе значений фразеологизмов и подобрать достаточно точную единицу, репрезентирующую аналогичные характеристики в переводящем языке.

Применение метода фреймового анализа семантики английских и русских фразеологических единиц может иметь практическое преломление и

в лексикографической практике. В настоящее время предпринимается попытка создания «Русско-английского толкового словаря фразеологизмов (в когнитивном аспекте)», суть которого – описать не только оттенки значений фразеологических единиц, их универсальность и специфичность для каждого из языков, но и дать информацию о тех структурах знаний, которые лежат в основе формирования данных значений. На наш взгляд, описание фразеологической семантики с учетом когнитивных структур, стоящих за значениями отдельных фразеологических единиц, позволит дать достаточное толкование фразеологизму в русском языке и подобрать по возможности максимально точный фразеологизм, репрезентирующий аналогичный фрейм в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко 2006 – *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-семиологическая сущность фразеологизма // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры. М., 2006.
- Алефиренко, Галло 2007 – *Алефиренко Н.Ф., Галло Ян.* Этнокультурная маркированность русской фраземики (на славянском когнитивно-семиологическом фоне) // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17 – 23 сентября 2007 г. Т. 2. София, 2007.
- Минский 1979 – *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Мокиенко 1989 – *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1989.
- Прохорова 2002 – *Прохорова О.Н.* Индикаторы формирования смысла // Композиционная семантика. Тамбов, 2002.
- Филлмор 1988 – *Филлмор Ч.Дж.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Fillmore 1982 – *Fillmore Ch.J.* Frame Semantics // *Linguistics in the Morning Calm.* Seoul, 1982.
- Longman 2000 – *Longman Dictionary of Contemporary English.* England, Harlow, 2000.